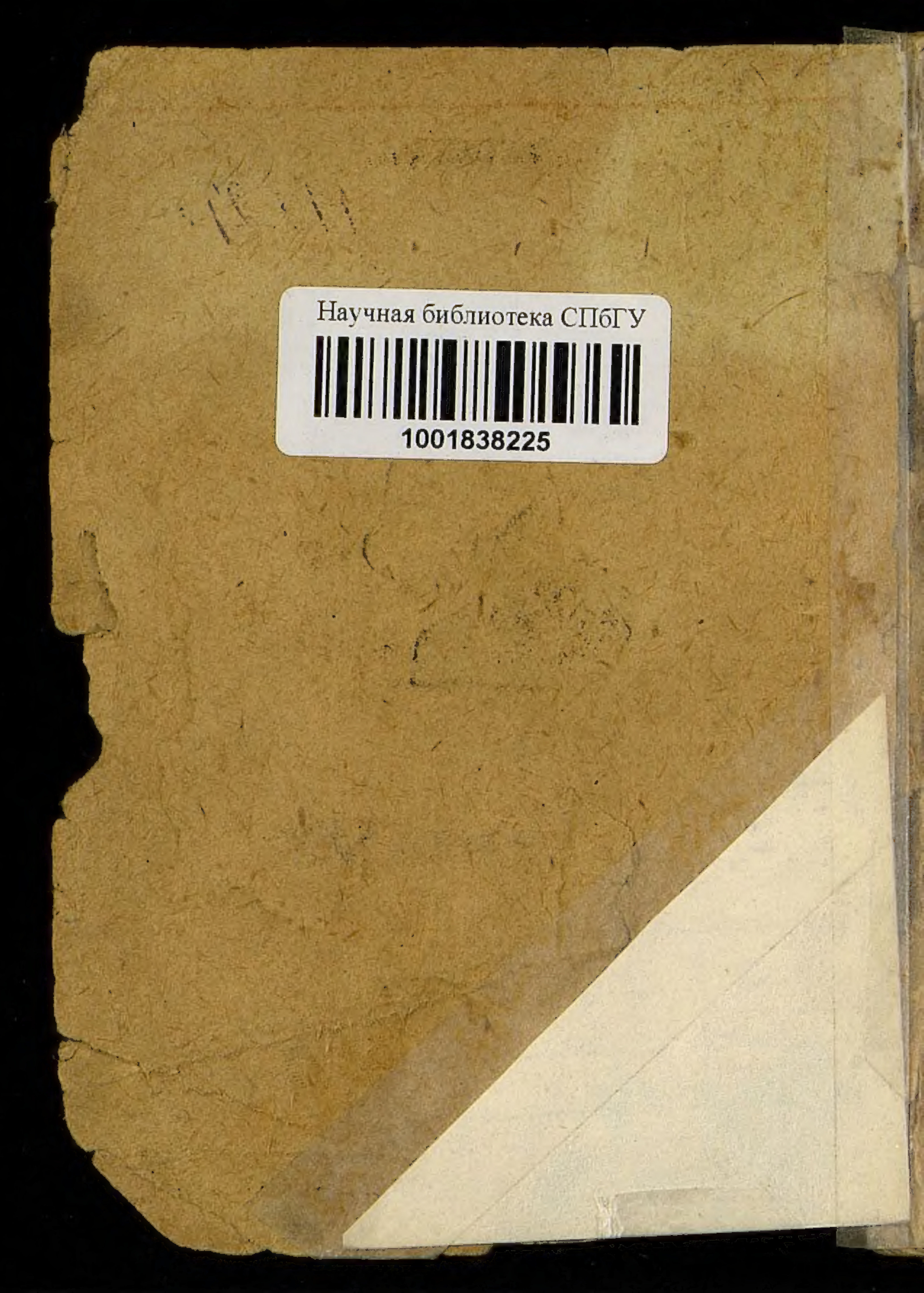
В. ВЕРЕСАЕВ

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

...ОЕ КНИГОИЗД—СТВО 1937

В. ВЕРЕСАЕВ

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

Биографический очерк

Воронежское областное
книгоиздательство 1937

Редактор Д. Л. Газер.
Техн. редактор В. Т. Ющенко.
Корректор Е. А. Третьякова.
Сблюжка худ. В. А. Кораблинова.

Сдано в набор 7|XII 1936 г. Подписано к печати 25|I 1937 г. Формат бумаги $43 \times 62^{1}/_{32}$. Бум. листов $^{3}/_{8}$. Печ. листов $1^{1}/_{4}$. Учетно-авт. листов 2. Знаков в бум. листе 71 040. Тираж 25 200 экз. Уполномоч. обллита № 496 Изд. № 239. Изд. инд. 7|Л.-И. Заказ № 3768.

Цена 60 коп.

Тип. изд-ва „Коммуна"
Воронеж, пр. Революции, 51.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве в 1799 г. 26 мая по старому стилю, 6 июня по новому. Отец его Сергей Львович был помещик из старинного дворянского рода; хозяйством он не занимался и дохода с расстроенных поместий получал мало. Жил Сергей Львович в полнейшей праздности, любил светские удовольствия. Очень легко писал стишки — и по-французски, и по-русски. Интересовался литературой, владел богатой библиотекой, преимущественно из французских книг, был лично знаком со многими выдающимися писателями того времени — с Карамзиным, Дмитриевым, Жуковским, Вяземским.

Надежда Осиповна, мать Пушкина, была внучкой „арапа Петра Великого", Абрама Ганнибала. Ганнибал был сын абиссинского владетельного князька,

попал заложником в Константинополь и оттуда был привезен в Россию. Император Петр Первый окрестил его, дал образование и приблизил к себе. В наружности и характере Пушкина сохранилось много черт его африканского происхождения.

До детей родителям Пушкина было мало дела, дети росли на руках французских гувернанток. Учился Пушкин небрежно и лениво, особенно не любил математики. Но очень рано пристрастился к чтению; тайком забирался в библиотеку отца и целыми часами читал все, что попадалось под руку. Уж на восьмом году начал писать по-французски стихи: домашним языком в семье Пушкина, как вообще в тогдашних дворянских семьях, был язык французский, и Пушкин в детстве говорил по-французски лучше, нежели по-русски. Был он мальчик бойкий, остроумный и озорной. Родители не любили мальчика, он никогда не видел от них ласки и участия.

В 1811 году Пушкина отдали в Царскосельский лицей — новооткрытое привилегированное учебное заведение в Царском (ныне Детском) Селе.

Через год вот какую официальную характеристику давали Пушкину преподаватели и надзиратели лицея: „Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум... Способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а поэтому успехи его очень невелики... Крайне не прилежен... Имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия... Легкомысленен“.

Такое впечатление Пушкин во всю свою жизнь производил на людей поверхностных и мало его знавших. В действительности он уже в лицее очень много работал, читал и думал. В стихотворении „Городок“ (1814 г.) Пушкин перечисляет своих любимых писателей. Приходится изумляться необыкновенной начитанности этого пятнадцатилетнего мальчика. Вот его любимцы: Гомер, Виргилий, Гораций, Тассо, Мольер, Расин, Вольтер, Руссо, Парни, из русских — Державин, Фонвизин, Карамзин, Дмитриев, Крылов.

Некоторые товарищи не любили Пушкина за его острый язык. Но было у него много и друзей, которые любили

его крепко: Иван Пущин (будущий декабрист), барон Дельвиг (будущий поэт), восторженный чудак Виля Кюхельбекер. С начальством Пушкин держался независимо и уже на первом курсе явился зачинщиком волнений, поведших к уходу из лицея непопулярного инспектора Мартына Пилецкого.

В лицее издавались рукописные журналы, многие воспитанники писали стихи. Год за годом Пушкин завоевывал все большее признание, и товарищи с уважением наблюдали его растущий талант. Пушкин писал в лицее очень много. Уже по его первым опытам ценители почувствовали в Пушкине молодого орла, уверенно расправляющего для полета крепкие крылья.

8 января 1815 года в лицее производился публичный экзамен воспитанникам, переходящим из младшего отделения в старшее. На экзамене, в числе почетных гостей, присутствовал старик-поэт Державин, один из талантливейших русских поэтов восемнадцатого века. Вызвали Пушкина. Стоя в двух шагах от Державина, он стал читать свои стихи „Воспоминания в Царском Селе“, написанные в стиле патриотиче-

ских од Державина. Стихи вызвали общий восторг. Державин со слезами на глазах бросился целовать мальчика. Смущенный Пушкин убежал, а Державин воскликнул:

— Вот кто заменит Державина!

Пушкин все больше начинал обращать на себя внимание самых выдающихся писателей того времени. На него с надеждою смотрели Карамзин, Батюшков, Жуковский, кн. Вяземский. Весною 1816 г. Карамзин посетил лицей с кн. Вяземским и дядею Пушкина, поэтом Василием Львовичем. Он вызвал Пушкина и сказал:

— Пари, как орел, но не останавливайся в полете.

На старших курсах Пушкин свел знакомство с офицерами лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Большинство гвардейского офицерства того времени было настроено по отношению к правительству очень оппозиционно; через лейб-гусаров Пушкин знакомился с тогдашней нелегальной литературой.

Большое влияние имел на него один из офицеров, знаменитый впоследствии П. Я. Чаадаев, замечательный мыслитель

и человек исключительной образованности. Он в то время был настроен революционно и сыграл большую роль в политическом воспитании Пушкина. Чаадаев оказал и вообще большое влияние на образование и умственное развитие Пушкина. По мнению одного современника, он дал в этом отношении Пушкину больше, чем весь лицей.

В июне 1817 г. Пушкин и его товарищи окончили лицей.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Пушкин, как мало преуспевший, был выпущен из лицея с чином коллежского секретаря. (Преуспевшие выпущены были с более высоким чином титулярного советника). Он определился чиновником в государственную коллегию иностранных дел в Петербурге, с жалованьем в семьсот рублей в год. В те времена служба молодых дворян была только номинальной: они ничего не делали, на службу почти не являлись, а служили для продвижения в чинах. Свободного времени было у Пушкина сколько угодно.

Родители его переселились в Петербург. Пушкин жил у родителей на Фон-

танке близ Калинкина моста. По родственным отношениям и знакомствам Пушкин вошел в лучшие круги большого света. Это требовало средств, ничтожного жалованья было недостаточно. А дела родителей были по-всегдашнему расстроены. К этому присоединялась мелочная скупость отца.

Пушкин с головою бросился в кипучую петербургскую жизнь. Танцовал на балах, влюблялся, кутил. Но пил он больше из молодечества, чтобы не отстать от других или их перепить. Из того же молодечества держался вызывающе. В театре, например, как Онегин, шел „меж стульев по ногам", или остановится между рядами кресел, загораживая сидящих, и на просьбу пройти дальше отвечает грубостями. Из-за каждого пустяка вызывал на дуэль; однако большинство их друзьям удавалось улаживать. А рядом с этим проводил вечера у Чаадаева, переселившегося в Петербург, и вел с ним беседы на серьезнейшие темы или у Карамзина изумлял всех умом и начитанностью.

Удивительно было, когда он успевал писать. А писал он много. Одну за другою оканчивал главы „Руслана и Людмилы",

писал много лирических стихотворений. Старшие писатели с восхищением следили за быстрым ростом его таланта. Жуковский писал кн. Вяземскому: „Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!“...

В марте 1820 г. Пушкин окончил „Руслана и Людмилу“. Появление поэмы в печати было огромным литературным событием. Легкий, изящный стих поэмы, художественность картин, яркость характеристик, простой, лишенный ходульности язык, не боявшийся самых „простонародных“ выражений, — все это было чем-то совершенно необычным в русской поэзии.

А между тем над головою Пушкина собиралась гроза. Политика Александра I становилась все реакционнее. Во главе внутреннего управления стоял Аракчеев, мечтавший превратить Россию в казарму. Страна обнищала от непрерывных войн. Офицерская молодежь, побывавшая в заграничных походах, особенно — во Франции, где недавно прогремела великая буржуазная революция, имела случай наблюдать более свободный западно-европейский по-

литический строй. Все это вызвало резко-враждебное отношение к правительству. Среди либерального дворянства возникали тайные общества, имевшие целью ограничение самодержавия. Пушкин явился чутким эхом, отражавшим оппозиционное настроение общества. Он осыпал эпиграммами Александра и его помощников; в „Оде на вольность“ обращался к царям, считавшим себя владыками „божьей милостью“:

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа —
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон!

В стихотворении „Деревня“ яркими красками рисовал ужасное положение крепостного крестьянства. Писал, обращаясь к Чаадаеву:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Стихи быстро распространялись в списках по всей России, не было сколько-

нибудь грамотного прапорщика, который не знал бы их наизусть...

Когда до правительства, наконец, дошли его вольные стихи, петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович вытребовал Пушкина к себе. Он явился, Милорадович в его присутствии приказал полицмейстеру поехать и сделать в квартире Пушкина обыск. Пушкин понял, о чем идет дело, и сказал:

— Граф! Вы напрасно это делаете. Там не найдете, чего ищите. Лучше велите подать мне перо и бумагу, я здесь же все вам напишу.

Пушкин сел и написал все свои нелегальные стихи.

Дело приняло серьезный оборот. Император Александр решил сослать Пушкина в Сибирь или заточить его в Соловецкий монастырь. Многочисленные друзья Пушкина всполошились. Хлопотами Карамзина и Жуковского было решено отправить Пушкина вместо Сибири или Соловков на юг, в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), на службу при главном попечителе колонистов южного края России генерале Инзове.

6 мая 1820 г. Пушкин выехал из Петербурга.

Генерал от кавалерии Ник. Ник. Раевский, выдающийся русский военачальник эпохи наполеоновских войн, ехал из Петербурга на Кавказские воды. Генерала сопровождали две его младшие дочери и младший сын, лейб-гусарский ротмистр Николай. Пушкин был знаком с семейством Раевских в Петербурге, а с Николаем подружился еще лицеистом в Царском Селе, где стоял лейб-гусарский полк. Путешественники остановились отдохнуть в Екатеринославе. Николай знал, что Пушкин сослан сюда, и отправился его разыскивать. Он нашел его в жалкой еврейской лачуге городского предместья. Небритый, бледный и худой, Пушкин в припадке малярии лежал на дощатой скамейке. На Раевского он произвел в этой обстановке удручающее впечатление. У Пушкина от радости показались на глазах слезы.

С разрешения Инзова генерал Раевский взял с собою Пушкина на Кавказ.

Лето Пушкин прожил с Раевскими на водах, принимал ванны, а в начале августа по приглашению Раевских поехал с ними в Крым и провел с Раевскими

три недели в Гурзуфе, — три блаженные недели, на всю жизнь оставшиеся у Пушкина в памяти.

В начале сентября Пушкин вместе с генералом Раевским выехал из Гурзуфа. За это время канцелярия генерала Инзова была переведена из Екатеринослава в Кишинев (в Бессарабии), и Пушкин направился туда. В дороге он опять заболел лихорадкой; совершенно больной заехал в Бахчисарай, осмотрел ханский дворец с знаменитым „фонтаном слез“ и 21 сентября прибыл в Кишинев.

В Кишиневе находился штаб одной из дивизий Южной армии. Дивизией командовал генерал Мих. Фед. Орлов, член тайного „Союза благоденствия“. Он ввел в своих полках образовательные, так называемые ланкастерские школы для солдат, энергично боролся с телесными наказаниями. Пушкин был принят у Орлова, как свой. Там он познакомился с офицерами орловской дивизии. Среди них было немало людей умных и талантливых. Особенно выдавался меж них майор Владимир Федосеевич Раевский (ни в каком родстве с упоминавшимся генералом Раевским не состоял), тоже член „Союза благоден-

ствия". Это был человек очень образованный, неукротимый революционер; он, между прочим, первый в России вел энергичную революционную пропаганду среди солдат, что вовсе не входило в тактику тайного общества.

„Союз благоденствия" имел два отдела. Центр одного находился в Петербурге, центр другого — на юге, в Тульчине, где стоял главный штаб Южной армии. Петербуржцы желали конституции с сохранением дворянских прав и помещичьего землевладения. Более радикальные южане ставили целью демократическую республику с полною отменою дворянских привилегий и с уравнением всех граждан в политических правах.

Во главе южан стоял полковник Пестель. Пушкин встречался с ним в Кишиневе во время наездов туда Пестеля. 9 апреля 1821 г. Пушкин записал в дневнике: „Утро провел я с Пестелем... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю".

Из Кишинева Пушкин несколько раз ездил гостить в Киевскую губернию, в село Каменку, богатое поместье, принадлежавшее матери генерала Раевского. В Каменке жил сын ее от второго

брака Василий Львович Давыдов, один из деятельных членов Южного общества. Каждый год, в конце ноября, под предлогом празднования именин его матери, в Каменку с‘езжались для совещания члены тайного общества. На один из таких с‘ездов случайно попал Пушкин и возобновил знакомство с И. Д. Якушкиным, с которым он уже встречался в Петербурге. Якушкин тоже был деятельнейшим членом общества.

Общение со всеми этими выдающимися тогдашними деятелями революции оказало большое влияние на политическое развитие Пушкина. Оппозиционные его настроения крепли. Этому способствовали и события, происходившие в Европе. Пылала революция в Испании, в Неаполе, Греция восстала против Турции. Пушкин восторженно следил за ходом греческого восстания, сам мечтал принять в нем участие.

Никогда вообще Пушкин не был так революционно настроен, как в это время; он писал:

Вы, ветры ,бури, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот, —
Где ты, гроза, символ свободы.
Промчись поверх невольных вод!

За время пребывания в Кишиневе Пушкиным написано революционное стихотворение „Кинжал". Тогда же написана едкая эпиграмма на Александра I — „Воспитанный под барабаном". Пушкин набрасывает план драмы, где барин проигрывает в карты своего верного старого слугу; начинает поэму о Вадиме, легендарном борце за свободу великого Новгорода. В личных высказываниях своих политических настроений Пушкин, как и в Петербурге, не держался никакой осторожности. Секретные агенты доносили в Петербург: „Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство".

Близко примыкая по взглядам и настроениям к тайному обществу, Пушкин, однако, не состоял его членом. Никто из заговорщиков не посвящал Пушкина в тайну: с одной стороны, боялись, что он может проговориться в пылу спора, с другой — берегли его, как огромный талант, и находили, что пером своим он достаточно работает для их целей.

Петербургские друзья усердно хлопотали о переводе Пушкина из Кишинева в более культурный центр. Как раз в

это время в Одессу был назначен генерал-губернатором граф М. С. Воронцов, человек европейски образованный. Хлопотами Ал. Ив. Тургенева министр иностранных дел перевел Пушкина из Кишинева в Одессу, а Воронцов обещал взять его под свое покровительство и дать его таланту благоприятнейшие условия для развития.

Пушкин с радостью бросил Кишинев и переехал в Одессу. Граф Воронцов принял Пушкина очень ласково, пригласил бывать у него. Перед Пушкиным раскрылись двери светского общества, которое он всегда любил.

Материальное положение Пушкина было очень неважное. Он числился при канцелярии графа Воронцова и получал жалованья 58 руб. с копейками в месяц. При полном неумении Пушкина беречь деньги и при его широком образе жизни этих денег, конечно, нехватало.

Сами обстоятельства толкали Пушкина на путь, совершенно новый и чуждый для тогдашнего писателя-дворянина. В дворянской среде, к которой принадлежал Пушкин, считалось зазорным брать деньги за свои литературные произведения. Это значило „торговать

вдохновением". Пушкин решительно пошел против этого барского предрассудка: „не продается вдохновенье, но можно рукопись продать", — знаменитое его изречение.

Пушкин писал на юге очень много. Он в это время, как сам сознается, „с ума сходил от Байрона". Поэмы „Кавказский пленник", „Бахчисарайский фонтан", „Братья-разбойники", написанные под влиянием Байрона, рисуют мрачных, разочарованных героев с могучими страстями и глубокими переживаниями. Увлечение Байроном в то время было всеобщим. Поэмы Пушкина, написанные великолепными стихами, полные ярко-художественных картин, имели огромный успех: публика заучивала поэмы наизусть. Популярность Пушкина росла с каждым годом. В Одессе Пушкин начал писать одно из самых значительных своих произведений — поэму „Евгений Онегин".

Кишиневские друзья, навещавшие Пушкина в Одессе, замечали, что он с каждым месяцем становится мрачнее и раздражительнее. Отношения его с графом Воронцовым не ладились. Граф Воронцов выдавался среди тогдашних

русских администраторов своей культурностью, энергией и деловитостью. Но это был интриган и эгоист, холодный и вероломный, с самым мелочным самолюбием, любивший лесть и пресмыкательства. Пушкин числился мелким служащим в канцелярии Воронцова, а между тем вел себя независимо, требовал обращения с собой как с равным, не льстил Воронцову, не восторгался им, как другие служащие, — все на подбор прекрасно воспитанные, изящно-почтительные молодые люди. Воронцов начинал обходиться с Пушкиным все холоднее и высокомернее.

В мае 1824 г. Воронцов послал Пушкину официальное предложение, как служащему своей канцелярии, отправиться в уезды и собрать сведения о появившейся там саранче, равно, как и о мерах, принимаемых к ее уничтожению. Пушкин пришел в бешенство. Полученная командировка говорила, что Воронцов хочет превратить его в настоящего чиновника. Пушкин решил отказаться от командировки. Друзья уговорили его этого не делать. Пушкин поехал, а возвратившись, написал, как рассказывали, такой рапорт Воронцову:

Саранча летела, летела
И села.
Во все стороны посмотрела, все с'ела
И опять улетела.

Пушкин немедленно подал прошение об отставке и решил жить литературным трудом.

Подневольное положение ссыльного, притеснения Воронцова, невозможность свободного творчества из-за цензурного гнета, — все это постепенно привело Пушкина к решению бежать из России. Он стал подготовлять побег на корабле в Константинополь. Некоторые из друзей помогали ему. Но побег по каким-то причинам не состоялся.

Так как Пушкин числился по министерству иностранных дел, то прошение его об отставке отправлено было в Петербург. Между тем, Воронцов не дремал. Одно за другим он слал в Петербург донесения на Пушкина. Он старался уверить правительство, что одесское общество крайне для Пушкина опасно, что оно может заразить его „заблуждениями и опасными идеями“, что очень полезно было бы удалить Пушкина от лести его поклонников, кружащих ему

голову и внушающих молодому человеку мысль, что он замечательный писатель, „в то время как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало, — лорда Байрона".

Пушкин спокойно ждал отставки. А тучи над его головой сгущались все плотнее. Московская полиция перехватила его письмо к приятелю, где Пушкин писал о неубедительности доводов в пользу существования бога и бессмертия души. Воронцов получил из Петербурга бумагу: предписывалось исключить Пушкина из службы за дурное поведение и без отлагательства выслать в имение родителей, Псковскую губернию, под надзор местного начальства. Пушкин был ошеломлен, когда ему об'явили царское решение. И всех решение это поразило и возмутило своею строгостью. 30 июля 1824 года одесский градоначальник отправил Пушкина в Псковскую губернию.

В МИХАЙЛОВСКОМ

Пушкин ехал, по приказу начальства, нигде не останавливаясь, и 9 августа

прибыл в имение родителей, село Михайловское.

Почти два года он провел в деревне в полном уединении со своею старой нянею Ариной Родионовной. Утром вставал и брал ледяную ванну, а потом садился писать. Обедал поздно, после обеда ездил верхом, вечером играл от скуки сам с собою на биллиарде, либо слушал сказки няни. „Что за прелесть эти сказки! — в восхищении писал Пушкин друзьям. — Каждая есть поэма... Няня — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно".

В праздник Пушкин иногда надевал русскую красную рубаху, подпоясывался ремнем и отправлялся в соседний Святогорский монастырь, на ярмарку; сидел с нищими слепцами, слушал и записывал их песни о Лазаре, об Алексее, человеке божием.

С помещиками-соседями Пушкин не знался и вел знакомство только с Прасковьей Александровной Осиповой, помещицей соседнего села Тригорского. Она была женщина уже немолодая, но образованная и неглупая. Пушкин очень любил ее и до конца жизни поддерживал с нею дружественные отношения.

Пушкин томился тоскою и скукою. Он всегда любил шум, движение, большое общество, напряженную умственную атмосферу. Письма его из Михайловского пестрят такими признаниями: „у меня хандра и нет ни одной мысли в голове“, „Михайловское душно для меня“, „у нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно“ и т. п. В душе была злоба на непрекращающиеся гонения правительства, перебрасывавшего его с места на место. И опять перед Пушкиным, как единственный выход из положения, стало вырисовываться бегство за границу. Однако осуществить его снова не удалось.

В январе 1825 г. в Михайловское приехал проведать Пушкина его старый лицейский друг Иван Иванович Пущин. Приехал он рано утром. Пушкин увидел его в окно и неодетый, в одной ночной рубашке, выскочил на мороз навстречу другу. Свидание было очень радостное. Пущин привез Пушкину в подарок комедию Грибоедова „Горе от ума“, тогда ходившую в списках. После обеда сели ее читать.

Шел у них разговор и о тайном обществе. Пущин был энергичным членом

Северного тайного общества; до сих пор он скрывал от Пушкина свое участие в нем, теперь неясно намекнул, что состоит его членом. Пушкин взволнованно вскочил со стула. Он вспомнил своего кишиневского друга майора Раевского: пятый уже год его держали в Тираспольской крепости и ничего не могли от него выпытать.

— Верно, все это в связи с майором Раевским! — воскликнул Пушкин. Потом, успокоившись, он прибавил: — Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям.

Просидели до поздней ночи. Пущину подали лошадей. Друзья крепко обнялись и расстались — навсегда. В конце этого же 1825 г., после восстания 14 декабря, Пущин был арестован и сослан на каторгу.

Годы одинокой, скудной впечатлениями жизни в деревне оказались очень благоприятными для творчества Пушкина. Он писал много. Требования к себе росли. „Я чувствую, — писал Пушкин, — что мои духовные силы достигли полной зрелости, я могу творить".

В октябре 1824 г. Пушкин окончил в Михайловском поэму „Цыганы", начатую на юге. В Михайловском же Пушкин написал большую вещь, над которой работал долго и любовно, — историческую трагедию „Борис Годунов". Театр пробавлялся изделиями „российских Расинов" — ходульными подражаниями ложно-классическим французским образцам, не имевшими никакого художественного значения. Пушкин задался целью повернуть театр на путь, проложенный Шекспиром. „Твердо уверенный, — пишет он, — что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего — Шекспира... Ему подражал я в вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и в простоте... Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворной обычай трагедий Расина. Дух века требует великих перемен и на сцене драматической".

Осенью 1825 г. Пушкин окончил „Бориса". Перечитал его самому себе вслух, бил в ладоши и кричал в восторге: — Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!

В Михайловском Пушкин продолжал писать „Онегина“, начатого в Одессе. Закончил третью главу, написал четвертую и пятую. В середине декабря 1825 г. в два утра написал поэму „Граф Нулин“.

19 ноября (ст. ст.) 1825 г. неожиданно умер император Александр I. Наследником его считался брат его, Константин, но он давно уже отрекся от прав на престол. Однако это почему-то хранилось в тайне. Императором должен был стать следующий по порядку брат — Николай. Войска сначала были приведены к присяге Константину, и Николай сам присягнул ему; потом стали приводить к присяге Николаю. Члены тайного общества решили воспользоваться получившимся недоразумением и путем военного переворота достичь ограничения или даже свержения самодержавия. Они внушили войскам, что Константин устранен насильно, и 14 декабря вывели их на Сенатскую площадь против Николая. Восстание было разгромлено пушками Николая.

Смена царствования зародила в душе Пушкина большие надежды. Он решил возбудить ходатайство о своем осво-

бождении. Нельзя было выбрать более неблагоприятный момент для ходатайства. Правда, сам Пушкин не был членом тайного общества. Но почти у всех арестованных находили его революционные стихи. На основании всех данных для правительства совершенно ясно вырисовывалась огромная агитационная роль Пушкина в подготовке восстания.

Можно удивляться только одному: как могли не тронуть Пушкина, как могли не подвергнуть его жестокой каре, как одного из самых опасных вдохновителей движения. Высказывают предположение, что Карамзин и Жуковский, стараясь спасти Пушкина, подали Николаю мысль, — не лучше ли попытаться привлечь Пушкина на свою сторону и использовать его перо на пользу правительства? Как раз подоспело прошение Пушкина на высочайшее имя.

Окончилось следствие. Пятерых декабристов повесили, более сотни сослали в Сибирь на каторгу. Пушкин был знаком с большинством из повешенных, знал многих из сосланных. Расправа с ними произвела на него впечатление потрясающее. „Повешенные повешены, —

писал он, — но каторга ста двадцати друзей, братьев, товарищей ужасна". Еще долго впоследствии Пушкин рисовал в своих черновиках виселицу с пятью трупами и задумчиво приписывал: „И я бы мог, как шут..." „И я бы мог...".

3 сентября 1826 года Пушкин проводил вечер в Тригорском. Стояла чудесная погода. Пушкин был очень весел, гулял с барышнями; в одиннадцатом часу вечера они проводили его по дороге в Михайловское. А на рассвете в Тригорское прибежала старая няня Пушкина Арина Родионовна, растрепанная, испуганная и рыдающая. Она сообщила, что этой ночью прискакал в Михайловское какой-то нето офицер, нето солдат, забрал Пушкина и куда-то увез с собою.

Пушкин тем временем мчался в тележке с фельд'егерем в Москву. Ехали день и ночь. 8 сентября приехали. Пушкину не дали ни отдохнуть, ни переодеться и побриться; продрогшего, забрызганного грязью, его доставили прямо во дворец и ввели в кабинет к Николаю.

Император встретил Пушкина очень милостиво. Между ними произошел длинный разговор. Царь спросил:

— Пушкин, принял ли бы ты участие 14 декабря, если бы был в Петербурге?

Пушкин смело ответил: — Непременно, государь. Все мои друзья были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня

Николай спросил, переменился ли его образ мыслей и дает ли он слово думать и действовать иначе, если ему дана будет свобода.

Пушкин долго молчал, но, наконец, дал обещание сделаться другим.

Потом царь спросил:

— Что ты теперь пишешь?

— Почти ничего, цензура очень строга.

— Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?

— Цензура не пропускает и самых невинных вещей.

— Ну хорошо, так я сам буду твоим цензором. Присылай мне все, что напишешь.

Император вывел за руку взволнованного Пушкина из кабинета и сказал толпившимся в приемной царедворцам:

— Господа! Вот вам новый Пушкин. О старом забудем.

Но это были только слова. Все поведение ясно показало царю, что Пушкин вовсе не стал таким уж новым.

В прошении Пушкин писал об „истинном раскаянии“, а между тем не отрекался от прошлого, не клеймил проклятиями сообщников, не бросался в благодарном порыве навстречу прощению, а раздумывал, колебался.

Было ясно, что из него никогда не выйдет Державина, Карамзина или Жуковского, что царю никогда нельзя будет спокойно положиться на него.

ПОД ОПЕКОЙ ЦАРЯ

Пушкин получил свободу и остался жить в Москве. Москва встретила Пушкина восторженно. Когда он в первый раз появился в театре, по всем рядам пронесся гул, повторявший его имя: все взоры, все бинокли были обращены на него, никто не смотрел на сцену. На собраниях и балах всеобщее внимание устремлялось на Пушкина, дамы кольцом окружали его, без перерыва выбирали в котильон и мазурку. По утрам приемная Пушкина была полна посетителями: его знал весь город, все им

интересовались. Самые выдающиеся люди считали за честь познакомиться с ним.

Последующие годы Пушкин жил то в Москве, то в Петербурге. Он с упоением отдавался удовольствиям большого города. Однако работал очень много. Одна за другой писались главы „Евгения Онегина". В слякотную осень 1828 г. Пушкин в две-три недели написал всю „Полтаву". Писал он ее действительно „и звуков, и смятенья полон". Писал дни напролет. Стихи грезились ему даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Мысли, которые не успевали укладываться в стихи, он записывал прозою. Но потом тщательно все отделывал, зачеркивал, снова писал, снова зачеркивал. Вообще над произведениями своими Пушкин работал очень много. Черновики его представляют сплошную сетку лепящихся друг на друга строк и слов, последовательно вновь и вновь зачеркнутых.

После возвращения своего из ссылки Пушкин держался по отношению к царю и правительству так, что ни в чем не мог бы вызвать упрека.

Каково бы ни было в это время настоящее отношение Пушкина к самодержавию, он ничем не давал повода заподозрить его в политической неблагонадежности. Однако Николай продолжал относиться к нему с глубочайшим недоверием. „Милости“, которыми осыпал Пушкина император, оказывалось, отнимали у него даже те права, которыми пользовался любой обыватель.

Посредником между Пушкиным и царем был жандармский генерал Бенкендорф, начальник знаменитого „Третьего отделения“ собственной его величества канцелярии — самый приближенный к царю человек. В Москве Пушкин прочел в кругу друзей своего „Бориса Годунова“. От Бенкендорфа немедленно пришло указание, что без предварительного просмотра царем Пушкин не имеет права каким бы то ни было путем „распространять“ свои произведения. Выходило, что Пушкин, будто бы поставленный в привилегированное сравнительно с другими положение, не мог даже прочесть своего произведения друзьям без предварительного разрешения!

Решив приступить к печатанию „Бориса Годунова“, Пушкин послал свою

пьесу на цензуру императору. Вскоре он получил от Бенкендорфа извещение, что император с большим удовольствием прочитал пьесу и на докладной записке о ней изволил написать: „Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Валтера Скотта". Невежественный император рекомендовал поэту в корень переработать гениальное произведение по его указаниям. Весь комизм этой дурацкой рекомендации мы оценим, когда вспомним, что главной целью Пушкина при писании „Бориса Годунова" была как раз реформа нашего театра. Пушкин с горькой иронией ответил Бенкендорфу: „Согласен, что моя драматическая поэма более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное". Совет самодержца есть приказание: напечатание пьесы пришлось отложить.

Так началась опека жандарма и его злобного повелителя над гениальным поэтом, длившаяся всю жизнь Пушкина.

У двух офицеров были найдены запрещенные цензурой отрывки из стихотворения „Андрей Шенье“ с заголовком „На 14 декабря“. Привлечен был к делу и Пушкин, ему был учинен ряд допросов. Дело тянулось около двух лет. Пушкину, наконец, удалось доказать, что отрывок не имеет никакого отношения к декабрьским событиям и написан задолго до 14 декабря. В результате ему было строжайше запрещено „выпускать в публику“ свои сочинения без предварительного разрешения цензуры, а сам он был отдан под секретный надзор полиции.

Не успело закончиться это дело, как новое дело было поднято против Пушкина, еще более серьезное. До правительства дошла написанная Пушкиным еще в Кишиневе антирелигиозная поэма „Гавриилиада“, высмеивавшая евангельскую легенду о непорочном зачатии Христа. За такое богохульство Пушкину могло грозить вечное заточение в какой-нибудь из самых страшных монастырских тюрем. На многочисленных допросах Пушкин упорно отрицал свое авторство, но на душе его было очень неспокойно. Из стихотворения „Пред-

чувствие“ можно видеть, как устал в это время Пушкин от непрерывных преследований:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду...

В конце-концов, по причинам, не вполне выясненным, дело это было прекращено.

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ

К концу двадцатых годов близкие стали замечать в характере Пушкина некоторую перемену. Он менее охотно выезжал в свет, начал чувствовать потребность в своем угле, в семейной жизни.

В 1828 году на одном из московских балов он познакомился с шестнадцатилетней девушкой Наталией Николаевной

Гончаровой. Это была пустенькая московская барышня, все образование ее заключалось в умении хорошо говорить по-французски и прекрасно танцовать. Но была она красоты изумительной. Пушкин влюбился в нее, был представлен ее родителям, стал бывать у Гончаровых. Рассказывают, что в это время Наталья Николаевна ничего Пушкина даже не читала, вообще же всю жизнь была к поэзии глубоко равнодушна. Никакого духовного общения с ней у Пушкина не могло быть. Он созерцал ее, „благоговея богомольно перед святыней красоты", горел любовью, но чувствовал, что девушка к нему равнодушна, что ему нечем ее заинтересовать и увлечь. И был с ней застенчив, робок, как в первый раз влюбленный мальчик. И вообще в семье Гончаровых он ощущал холод и стеснение. Матери, Наталье Ивановне, Пушкин не нравился за вольнодумное отношение к религии и к императору Александру. Несмотря на все это, Пушкин в конце апреля 1829 года посватался за Наталью Николаевну. Напрямик ему не отказали, но ответили, что Наташа еще очень молода, что надо подождать и посмотреть.

В ту же ночь Пушкин уехал на Кавказ, в действующую армию.

В это время шла война России с Турцией. На кавказском фронте главнокомандующий Паскевич вторгся в пределы Турции и наступал на крепость Арзерум. В его армии служил командиром Нижегородского драгунского полка старинный друг Пушкина Ник. Ник. Раевский-младший, а адъютантом Раевского состоял младший брат Пушкина Лев. В конце мая Пушкин приехал в Тифлис, пожил там две недели и отправился нагонять армию. Догнал, представился Паскевичу и поселился в палатке Раевского.

Пушкин рвался принять участие в сражении. Очень скоро случай представился. Турецкая кавалерия напала на русские аванпосты. Услышав про это, Пушкин выбежал из палатки, вскочил на коня и умчался. Обеспокоенный Раевский послал двух своих офицеров отыскать Пушкина. Шла схватка казаков с турецкими наездниками, во фланг туркам скакали драгуны. Посланные офицеры увидели, что Пушкин отделился от драгунов и, с пикой в руке, один, бешено мчался навстречу скакавшим на

него турецким всадникам. Подоспевший резерв из уланов заставил турок отступить. Посланные офицеры насильно вывели Пушкина из передовой цепи. Он остался очень этим недоволен.

Лагерная жизнь очень понравилась Пушкину.

„Пушка, — рассказывает он, — подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах Таврийских".

Раз‘езжал Пушкин на казацкой лошади, с нагайкой в руке. Статский человек в черном сюртуке и с цилиндром на голове представлял среди военных очень необычное зрелище. Солдаты считали Пушкина немецким попом.

Армия дошла до Арзерума и 27 июня 1829 года взяла его без всякого сопротивления. Это не помешало Паскевичу изобразить взятие города, как великую победу. Пушкин прожил в Арзеруме больше трех недель. В городе появилась чума. Он решил уехать. Паскевич удерживал Пушкина, предлагая быть свидетелем дальнейших предприятий. Но, видимо,

Пушкину был уже совершенно ясен характер этих предприятий, — он распрощался с Паскевичем и уехал в Россию.

* * *

Чем больше мужало творчество Пушкина, чем дальше уходил он вперед, тем меньше начинала понимать его критика, тем холоднее относились к нему читатели.

„Полтава“ была встречена публикой холодно, и „Северная пчела“, орган Булгарина, злорадно писала: „Холодный прием, оказанный публикой „Полтаве“, служит ясным доказательством, что очарование имен исчезло“.

Равнодушно был встречен „Борис Годунов“, в 1830 году, наконец, вышедший в свет. О нем писали: „Поэзия есть творчество; а здесь нет ни одного оригинального создания. Борис и Шуйский переложены только в стихи из певучей прозы Карамзина“. О седьмой главе „Онегина“, одной из лучших глав романа, заявляли: „полное падение“.

Накрепко замкнувшись в холодном и молчаливом одиночестве, Пушкин писал:

Поэт. Не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный
шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы
холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Перелом в общественном мировоззрении Пушкина, начавшийся еще до декабрьского восстания, с течением времени все усиливался.

Он попрежнему горько болел за сосланных на каторгу декабристов, не терял надежды, что их помилуют, слал им в Сибирь пламенный привет и предсказывал приход желанной поры:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч ваш отдадут.

Он рисовал себя в виде певца Ариона, спасшегося от общего кораблекрушения:

Погиб и кормщик, и пловец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Но для „прежних гимнов" у него теперь не было веры; дело декабристов он считал безнадежно проигранным.

В МОСКВЕ И В БОЛДИНЕ

Ранней весной 1830 года один из московских знакомых Пушкина заговорил на балу с Натальей Николаевной Гончаровой и ее матерью о Пушкине. Мать и дочь отозвались о Пушкине благосклонно и просили ему кланяться. Пушкин ожил духом, мигом собрался и покатил в Москву. Он посетил Гончаровых. Его приняли ласково. Он снова стал бывать у них и 6 апреля вторично сделал предложение.

Предложение Пушкина было принято. 6 мая 1830 г. произошла официальная помолвка Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Отец Пушкина по случаю его женитьбы выделил ему из своих нижегородских поместий двести незаложенных крестьянских „душ" села Кистенева. В начале осени Пушкин поехал в Нижегородскую губернию, чтобы ввестись во владение имением и устроить имущественные свои дела. Он рассчитывал пробыть там совсем недолго. Между тем вверх по Волге под-

нималась холера. На второй станции от Москвы Пушкин узнал, что холера уже в Нижнем. Когда он приехал в Болдино (отцовское поместье), окрестные деревни оцеплялись караулом, повсюду учреждались карантины. Народ роптал, там и тут вспыхивали бунты.

Шли неделя за неделей, месяц за месяцем, а Пушкин все сидел в Болдине. Холера распространилась, подходила к Москве, карантины преграждали все дороги, самая Москва была оцеплена военными кордонами. Говорили, что холера уже и в Москве. Пушкин сильно беспокоился за невесту, за ее здоровье и безопасность; к тому же до него доходили слухи, будто свадьба расстраивается, что Наталья Николаевна выходит замуж за другого. Он рвался в Москву, два раза выезжал из Болдина, надеясь пробраться через карантины, но оба раза пришлось воротиться.

В эту осень, которую Пушкин провел в Болдине, прилив творчества был у него совершенно необыкновенный. За три месяца им написаны: „маленькие трагедии", „Домик в Коломне", повести Белкина, две последние главы „Онегина", около тридцати лирических стихотворе-

ний. „Детородная осень“, называл ее Пушкин.

Изумительны не только количество и высокое качество написанного в это время Пушкиным, но и та легкость, с какой он переключался из одного настроения в совершенно другое. Прозрачно-веселые рассказы, как „Барышня-крестьянка“, „Метель“, „Домик в Коломне“, чередовались с глубоко серьезными драмами, как „Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“, „Пир во время чумы“. Лирика этой осени полна самых разнообразных, противоположных друг другу настроений.

Только к декабрю месяцу Пушкину, наконец, удалось выбраться из Болдина. 5 декабря он был в Москве.

Свадьба произошла 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения на Большой Никитской (теперь улица Герцена). Пушкин, в противоположность последним дням, был весел, радостен, любезен с друзьями, смеялся. Но во время обряда, при обмене колец, кольцо Пушкина упало на пол. Потом у него погасла свеча. Суеверный Пушкин побледнел и прошептал:

— Всё — плохие предзнаменования.

ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ

Пушкин рассчитывал остаться жить с женой в Москве. Они занимали уютно меблированную квартиру на Арбате. „Я женат — и счастлив, — писал Пушкин Плетневу. — Одно желание мое — чтобы ничего в жизни моей не изменилось; лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился“. Но всё усиливались стычки с тещей. Наталья Ивановна наговаривала дочери на Пушкина, всячески чернила его. Такие начались дрязги, что Пушкину стало не в мочь. Он ликвидировал свою московскую квартиру и в середине мая уехал с женой в Петербург. Там они и решили поселиться. На лето же нанял дачу в Царском Селе, под Петербургом.

Пушкин любил жену. Но Наталью Николаевну по-настоящему интересовали только наряды и успехи в свете. В напряженной творческой и умственной жизни мужа она неспособна была принимать никакого участия. Полный еще творческого волнения, Пушкин приходил к ней прочесть новые стихи, а она восклицала: господи, до чего же ты

мне надоел со своими стихами, Пушкин!

Холера, замершая было к зиме, с наступлением весны стала свирепствовать с новой силой и надвинулась на Петербург. Император с двором переехал в Царское Село. „Царское Село закипело и превратилось в столицу“, — писал Пушкин Плетневу.

Однажды в царскосельском парке Пушкин повстречался с императором. Николай обошелся с Пушкиным очень милостиво, расспрашивал об его делах и, между прочим, задал вопрос, почему он не служит. Пушкин ответил, что готов, но что, кроме литературной службы, никакой не знает. Тогда царь предложил ему заняться писанием истории Петра Первого.

Красавица жена Пушкина очень понравилась императрице; император уже раньше, в бытность свою в Москве, встречал на празднествах Наталью Николаевну, когда она была еще девушкой, и находил ее очень милой и интересной. Императрица выразила желание, чтобы Наталья Николаевна бывала при дворе.

Осенью 1831 года Пушкин переселился из Царского Села в Петербург. Он

был официально зачислен в государственную коллегию иностранных дел, произведен вскоре в следующий чин и ему было назначено жалованье — пять тысяч рублей. Но для теперешних потребностей Пушкина этого было слишком мало.

Жизнь Натальи Николаевны проходила в непрерывных увеселениях, празднествах и балах. Она возвращалась домой часов в четыре-пять утра, вставала поздно; обедали в восемь часов вечера, после обеда Наталья Николаевна переодевалась и опять уезжала. Ее сопровождал муж. Давно уже для Пушкина отошла пора, когда он сам увлекался танцами. Но нельзя же было жене выезжать одной. И все вечера Пушкин проводил на балах; стоял у стены, вяло глядел на танцующих, ел мороженое и зевал. Однажды он со вздохом сказал своей знакомой:

Неволя, неволя, боярский двор!
Стоя наешься, сидя наспишься.

Друзья с растущей горестью наблюдали, в каких ужасных для творчества условиях жил теперь Пушкин. И сам он с грустью писал одному из друзей: „Нет

у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писания. Кружусь в свете, жена моя в большой моде, — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения". Для новых трудов не было уединения; для напечатания трудов, уже написанных, то и дело вставали препятствия, вытекавшие из высочайшей „милости", оказанной Пушкину, — права представлять свои произведения на цензуру самому императору.

Пушкин полагал, что это — его право; оказалось, что это — его обязанность. И Пушкин писал Бенкендорфу: „Осмеливаюсь просить об одной милости: вперед иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре". Вот уж о какой милости приходилось ходатайствовать Пушкину!

Пушкин усиленно работал в архивах, собирая материалы для порученной ему царем истории Петра Первого. Но от подготовительной работы к истории Петра его отвлекала другая работа. Пушкина заинтересовал Пугачев, вождь казацко-крестьянского восстания в XVIII веке. В то же время явилась мысль

написать и роман из времен пугачевщины. Для этого Пушкину нужно было посетить местности Восточной России, где действовал Пугачев. Пушкин получил отпуск на четыре месяца и 17 июля 1833 года выехал из Петербурга. А вслед за ним поплыли к начальникам губерний, которые должен был посетить Пушкин, секретные предписания „учинить надлежащее распоряжение в учреждении за титулярным советником Пушкиным во время его пребывания секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его“.

Пушкин посетил Казань, Оренбург, Уральск. Расспрашивал старожилов о Пугачеве, осматривал места военных действий. Из Оренбурга он с‘ездил в станицу Берды, бывшую столицу Пугачева.

В Бердах Пушкин отыскал старуху, семидесятипятилетнюю казачку, которая лично знала Пугачева. Он просидел с ней целое утро, расспрашивал ее, слушал ее песни и на прощанье дал ей золотой червонец.

Пушкин уехал. Бердинские обыватели пребывали в великом недоумении: для чего приезжал человек, с таким жаром

расспрашивал о разбойнике, за что дал старухе червонец? Дело подозрительное, как бы не нажить беды. Снарядили подводу в Оренбург, представили по начальству старуху с червонцем и доложили:

— Вчера приезжал какой-то чужой господин. Приметы его: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, подбивал под пугачевщину и дарил золотом; должно быть, антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти. (Пушкин, как известно, носил очень длинные ногти)...

1 октября 1833 года Пушкин приехал к себе в Болдино и засел писать. Сложилась чуть-чуть подходящая обстановка, и творчество снова забило ключом. „Расписался, и уже написал пропасть",— довольный писал он жене. За полтора месяца пребывания в Болдине Пушкин написал: „Сказку о рыбаке и рыбке", „Сказку о мертвой царевне", „Анжело", перевел из Мицкевича две баллады, закончил историю Пугачева и написал два самые выдающиеся свои произведения — поэму „Медный всадник" и повесть „Пиковая дама".

В середине ноября 1833 года Пушкин воротился в Петербург.

В ПРИДВОРНОМ ПЛЕНУ

В Аничковом дворце устраивались интимные царские вечера, куда принято было приглашать только лиц с придворным званием. Желая открыть Наталье Николаевне доступ на эти вечера, Николай под новый 1834 год подписал указ: „Служащего в министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего“. Пожалованием Пушкина в камер-юнкеры Николай сразу достиг двух целей — сделал для себя возможными частые встречи с Натальей Николаевной и глубоко унизил Пушкина, которого в душе ненавидел: в камер-юнкеры жаловались обыкновенно очень молодые люди, и тридцатипятилетний, уже седеющий Пушкин должен был производить в их толпе очень смешное впечатление.

Пушкин, узнав о пожаловании, пришел в бешенство. Вне себя, он хотел итти во дворец и наговорить грубостей самому царю. Причину своего пожалования он понимал очень хорошо.

Невесело и смутно было на душе у Пушкина. Он никому не жаловался на свою тяжелую жизнь, но на лице его друзья часто читали мрачное беспокойство. Придет, печально ходит по комнате, опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторяет:

— Грустно. Тоска.

Теперь почти никогда его не видели веселым и беззаботным. Редко-редко просыпался в нем прежний шутник и озорник.

Писательское одиночество Пушкина все увеличивалось. Строгая и сдержанная простота его поэзии, сжатая чеканность прозы не удовлетворяли публику, которая с упоением зачитывалась эффектно-трескучими стихами Бенедиктова, цветистой прозою Марлинского и равнодушно проходила мимо Пушкина. Критика учла это отношение, с еще большею несдержанностью стала нападать на Пушкина.

Пушкин писал мало, к написанному относился очень строго и поэтому многого не печатал. Многое запрещала цензура. За последние шесть лет жизни Пушкина читатель из крупных его художественных произведений мог позна-

комиться только с „Пиковой дамой“ и „Капитанской дочкой“.

В свете его не любили, потому что боялись его острых, убийственных эпиграмм, на которые он не скупился, из-за которых он нажил себе в „высшем свете“ врагов непримиримых.

* * *

На масленой неделе 1834 г. Наталья Николаевна от великих танцовальных трудов заболела и, поправившись, уехала до осени со всеми детьми в Калужскую губернию к своему брату. Пушкин остался в Петербурге один наблюдать за печатанием „Истории пугачевского бунта“. Вдруг он получает встревоженное письмо от Жуковского из Царского Села, что какое-то письмо Пушкина стало известно императору, и он очень сердится. Оказалось, что московская почта распечатала письмо Пушкина к жене и переслала его в Третье отделение. В письме этом Пушкин писал, что не намерен являться на торжественное празднование совершеннолетия наследника престола, и довольно непочтительно отзывался о своем

камер-юнкерстве. Жуковскому удалось уладить дело.

Пушкин решил вырваться из клетки, в которую его заперло правительство. 25 июня 1834 года он подал Бенкендорфу прошение об отставке. Прошение это привело царя в жесточайшее негодование. Жуковский всполошился и стал бомбардировать Пушкина из Царского Села письмами, обвиняя его в глупости и бестактности. Под давлением Жуковского Пушкин взял прошение обратно.

Почему отношение правительства к Пушкину было таким враждебным и подозрительным? Пушкин по самому существу своему был неприемлем для самодержавия. Что до того, что Пушкин „признавал“ его? Нужно было не признавать, а восторженно любить его и восхвалять, без критики, без сдержанности и без оглядки. Своими одами „Клеветникам России“ и „Бородинская годовщина“ Пушкин вступил было на этот путь, но тотчас же свернул с него и больше не возвращался. А на что нужен был Николаю „просто“ гениальный поэт, творящий „просто“ гениальные произведения? Пушкин не умещался в

рамках николаевского самодержавия не как враг его, а как огромнейшее культурное явление, переросшее его рамки. Также и в рамках придворно-светской жизни Пушкин не умещался опять-таки не как отрицатель ее, а как глубоко культурный, полный достоинства человек, органически неспособный стать царедворцем-холопом.

Николаю удалось поставить его на колени, но и на коленях Пушкин стоял, не склоняя гордо поднятой головы. Император это видел и чувствовал Пушкина „чужим" и способным на все.

А еще очень многого император не знал о Пушкине. Еще в том же 1827 году, когда Пушкин отворачивался от „черни", — еще в то время в одном неотделанном черновике он в раздумьи набрасывал такие строки:

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями:
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь, —
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.

Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, толкаемый слугами,
Поодаль слушает певца.

Теперь этот толкаемый слугами народ, почтительно слушающий поэта у черного крыльца, встает перед Пушкиным новым, самым желанным слушателем. За полгода до смерти он пишет свой „Памятник" — изумительный по совершенно новому для Пушкина подходу к задачам поэзии и по оценке собственных своих поэтических заслуг.

Он гордится, что к памятнику его не зарастет народная тропа и что памятник этот непокорною главою вознесся выше всяких царских памятников. И за что ждет он признания от народа?

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Большое недоумение вызывает заключительная строфа „Памятника":

Веленью божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Она делается понятною и вполне уместною, если в стихотворении мы будем видеть не только подведение Пушкиным итогов прежней своей поэтической деятельности, а и решительное заявление о переходе его на совершенно новые поэтические позиции. „Пробуждение добрых чувств“, „восславление свободы“, „призыв милости к падшим“, — вот что всего более начинает теперь ценить Пушкин в своей прошлой деятельности и вот в чем он усматривает „божее веление“ для деятельности будущей. Вступая на этот новый путь, он готов к насмешкам глупца, к обиде и клевете, ему не нужны на этом пути ни хвалы, ни венцы.

Пушкин ищет теперь сближения с Белинским, тайно от своих аристократических друзей посылает ему свой журнал „Современник“, собирается пригласить его сотрудничать в этом журнале. В поэзии Пушкина начинают звучать давно им забытые звуки.

Глубоким гражданским негодованием полно стихотворение, вызывающе озаглавленное „Мирская власть“ („Когда великое свершалось торжество...“). Пушкин начинает писать драму из вре-

мен феодального рыцарства с грандиозным замыслом — показать разгром рыцарского дворянства тогдашней демократией — крестьянством и растущим городским мещанством. Написаны были только начальные сцены, но до нас дошел конспект с планом всей драмы, и из него видно, каким революционным пафосом должна была дышать эта драма.

Горожанин Франц, сын суконщика, поднимает среди крестьян восстание против рыцарей; крестьяне разбиты, раненый Франц попадает в плен. Рыцари пируют. Узнают, что Франц, которого они решили повесить,—певец-миннезингер. Приказывают привести его. Франц поет. Песни его трогают красавицу Клотильду, невесту владельца замка Ротенфельда. Она просит Ротенфельда исполнить ее просьбу. Рыцарь галантно соглашается. Клотильда просит помиловать Франца. Приходится исполнить ее просьбу. „Так и быть, — говорит Ротенфельд, — мы его не повесим. Но запрем в тюрьму, и, даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выйдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся". Здесь оканчиваются написанные сцены. В дальней-

шем действие должно было развертываться так. Монах-алхимик Бертольд Шварц, посаженный в тюрьму по обвинению в колдовстве, изобретает в тюрьме порох. Восстание крестьян, осада замка. Владелец замка, неуязвимый в своих стальных латах, убит пулей; несокрушимые стены замка поднимаются на воздух и разлетаются, взорванные Бертольдом Шварцем. На хвосте дьявола является Фауст. „Изобретение книгопечатания — своего рода артиллерия". Этою фразою кончается конспект.

На старый, привилегированный мир, закованный в сталь, огороженный крепкими стенами, буйно встают новые силы, — энтузиазм угнетенных, усовершенствованная техника, широкое просвещение. И сталь пробита, неприступные стены рушатся, и все старое летит к чорту.

* * *

Материальное положение Пушкина запутывалось все больше. Жизнь в Петербурге с требованиями, которые предъявляли придворная жизнь и светские успехи его жены, была ему совершенно не по средствам. Кредиторы осаждали

его квартиру, засыпали письмами с требованиями уплаты. Летом 1835 года Пушкин опять сделал попытку вырваться из Петербурга. Он писал Бенкендорфу: „Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут только к долгам и которые готовят мне будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия, которыми я обязан доброте его величества".

Царь снова отказал и только разрешил выдать Пушкину взаймы тридцать тысяч рублей, а в погашение их удерживать его жалованье. Деньги пошли на уплату самых насущных долгов, жалованье Пушкин перестал получать, и единственным источником дохода остался для него литературный труд. Но среди вечных забот и неприятностей, в которых теперь жил Пушкин, работать он не мог. „Здесь в Петербурге, — писал он отцу, — я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи".

Перестало писаться и в деревне, куда обычно Пушкин уезжал осенью для ра-

боты. Поехал он в 1835 году на осень в Михайловское, прожил месяц и писал жене: „Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень-колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен".

Давно завидная мечтается мне доля.
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Но Наталья Николаевна этому „побегу" совершенно не сочувствовала. Она терпеть не могла деревни, за всю жизнь с Пушкиным ни разу даже не побывала ни в Михайловском, ни в Болдине. На лето они нанимали дорогую дачу на каком-нибудь из модных петербургских островов, где можно было жить тою же шумной и веселой светской жизнью, как зимой. Успехи Натальи Николаевны в свете непрерывно шли в гору. Теперь уже не Пушкин освещал ее своей славой, а она, первейшая, всех собой восхищавшая красавица, — его, скромного титулярного советника и „сочинителя".

В 1834 году в Петербург приехал молодой француз, барон Жорж Дантес, приверженец „законной" Бурбонской

династии. После июльской революции 1830 года, свергшей Бурбонов, он не пожелал остаться служить во Франции. В Петербурге Дантес благодаря своим связям был принят прямо офицером в первейший из всех гвардейских кавалерийских полков — кавалергардский. В высшем свете он сразу занял очень заметное положение. Высокого роста, красавец, самоуверенный, веселый, остроумный, он везде был желанным гостем.

Пушкин познакомился с Дантесом вскоре после приезда его в Петербург. Французская живость, веселость и остроумие Дантеса понравились Пушкину. Дантес стал бывать у него в доме. Был он радушно принят и в семействах, близких к Пушкину, — у Карамзиных, Вяземских. Встречались часто. Дантес влюбился в жену Пушкина. Ей он тоже очень понравился. Дантес неотступно следовал за Натальей Николаевной, являлся всюду, где была она, на балах танцовал только с ней. Летом 1836 года, после одного или двух общественных балов на модных Минеральных водах (на Елагином острове), весь свет заговорил об ухаживаниях Дантеса

за женой Пушкина. У Пушкина было об'яснение с Натальей Николаевной, он отказал Дантесу от дома. Но влюбленные продолжали видеться у общих знакомых и на великосветских балах.

Над головою Пушкина, как влипчивая осенняя муха, все назойливее начинало летать ужасное слово „рогоносец". На одном балу молодой негодяй, косолапый князь П. В. Долгоруков, подмигивая приятелям на Дантеса, поднимал сзади головы Пушкина пальцы, расставленные, как рога.

ДУЭЛЬ

Драма назревала быстро.

Пушкин доверял жене и не сомневался в ее верности. Но его приводила в бешенство та роль „рогоносца", которую ему злорадно стали приписывать в свете. А говорили там не об одном Дантесе. Пушкин рассказывал другу своему Нащокину, что Николай, как офицеришка, ухаживает за его женой, нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у нее на окнах всегда шторы опущены.

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил по городской почте написанный измененным почерком безымянный пасквиль такого содержания:

„Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена“.

Такие же письма были разосланы и многим знакомым Пушкина. Д. Л. Нарышкин был мужем красавицы Марии Антоновны, находившейся в долголетней связи с императором Александром I. Жалуя Пушкина в заместители Нарышкина, пасквиль совершенно ясно намекал, что считает положение Пушкина по отношению к Николаю таким же, как положение Нарышкина по отношению к Александру. Как теперь выяснено, пасквиль был написан П. В. Долгоруковым, но за его спиной стояла целая шайка великосветских врагов Пушкина, в том числе, повидимому, и Уваров, министр народного просвещения, высме-

янный Пушкиным в сатире „На выздоровление Лукулла". Но Пушкин почему-то заподозрил в посылке пасквиля голландского посланника Геккерена. Геккерен был развратник и злой сплетник. Он страстно любил Дантеса и полгода назад усыновил его, так что Дантес звался теперь бароном Геккереном. Вызвать на дуэль посланника Пушкин считал неудобным и послал вызов Дантесу.

Старый Геккерен очень испугался последствий, которые могла иметь для карьеры его и его приемного сына предстоящая дуэль. Вместе с Дантесом они придумали такой выход. В Дантеса давно уже была влюблена старшая сестра Натальи Николаевны Екатерина Гончарова. Теперь, чтобы выпутаться из неприятного положения, в которое их поставил вызов Пушкина, Геккерены заявили, что Дантес ухаживал не за Натальей Николаевной, а за ее сестрой и готов на ней жениться. Пушкин взял свой вызов обратно. 10 января 1837 года произошла свадьба Дантеса с Гончаровой. Таким образом Дантес сделался родственником Пушкина. Он явился к нему со свадебным визитом, но Пушкин его не принял и велел передать, что не

желает иметь с ним никаких отношений.

Однако они постоянно встречались на великосветских балах и у общих знакомых. Дантес продолжал ухаживать за Натальей Николаевной с еще большей настойчивостью, доходившей до наглости. Бешенство Пушкина его забавляло, и он в его присутствии ухаживал за Натальей Николаевной с особенным усердием. Продолжали приходить анонимные письма.

Пушкин дошел почти до сумасшествия.

26 января 1837 года он отправил старшему Геккерену письмо, полное самых ужасных оскорблений.

После этого письма дуэль сделалась неизбежной. Этого-то и добивался Пушкин: другого выхода из запутавшегося положения он не видел. По соглашению Геккерена с Дантесом вызов Пушкину послал Дантес. Получив вызов, Пушкин сразу успокоился.

Наутро Пушкин встал рано. Был повчерашнему весел и облегченно спокоен. Напился чаю и сел писать. Пришло письмо от д'Аршиака, секунданта Дантеса. Он просил Пушкина прислать своего секунданта для переговоров. Пушкин отправился искать секунданта. На Пан-

телеймоновской улице он случайно встретил своего лицейского товарища подполковника инженерных войск К. К. Данзаса и попросил его быть секундантом. Данзас с готовностью согласился. Он поехал к д'Аршиаку, они вдвоем выработали условия дуэли. Данзас привез Пушкину письменные условия дуэли. Пушкин не стал их читать, согласился на все и послал Данзаса купить пистолеты. А сам весело сел заниматься делами своего журнала „Современник". Открыл книжку Ишимовой „История России в рассказах для детей" и зачитался ею.

К условленному часу он сошелся с Данзасом в кондитерской Вольфа на углу Невского проспекта. Они сели в сани и поехали к назначенному месту встречи — к Комендантской даче на Черной речке. Приехали одновременно с противниками. Пошли в рощу, выбрали полянку. Она была покрыта сугробами снега. Оба секунданта и Дантес стали притаптывать в снегу широкую тропинку, по которой должны были сходиться противники. Пушкин, закутавшись в медвежью шубу, сидел на сугробе и нетерпеливо ждал. Секунданты

отмерили на тропинке шаги, в качестве барьеров положили на снег свои шубы и начали заряжать пистолеты. Пушкин нетерпеливо спросил:

— Ну, что же? Кончили?

Всё было готово. Противников расставили по местам, вручили им пистолеты. Данзас подал сигнал, махнув шляпой.

Пушкин быстро подошел к барьеру, остановился и стал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя одного шага до барьера, выстрелил. Пушкин упал на шинель, служившую барьером. Он лежал неподвижно, лицом вниз. Секунданты и Дантес кинулись к нему. Пушкин очнулся, поднял голову и сказал:

— Подождите. Я чувствую в себе достаточно силы, чтобы сделать выстрел.

Дантес возвратился на свое место, стал боком и прикрыл грудь правою рукою. Пушкин приподнялся на коленях и, полулежа, стал целиться. Целился долго. Раздался выстрел. Дантес упал. Пушкин бросил пистолет и закричал: — Браво!

И опять без чувств упал на снег. Однако Дантеса сбила с ног только сильная контузия: пуля пробила мясистые части руки и попала в пуговицу брюк; эта пуговица спасла его,

Придя в себя, Пушкин спросил д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет, вы его ранили.

— Странно, — сказал Пушкин, — я думал, мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Общими усилиями секунданты усадили Пушкина в сани. У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякий случай Геккереном. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу воспользоваться каретой для Пушкина. Данзас принял предложение. Не сказав Пушкину, чья карета, он усадил в нее Пушкина и поехал с ним в город.

Наталья Николаевна недавно воротилась с прогулки и вместе с сестрою Александриною ждала Пушкина к обеду. Вдруг вошел без доклада Данзас и, стараясь быть спокойным, сообщил, что Пушкин сейчас стрелялся с Дантесом и ранен, но очень легко. Наталья Николаевна бросилась в переднюю, куда уже вносили на руках Пушкина. Она упала в обморок. Пушкина уложили на диван в его кабинете. Очнувшаяся жена хотела

войти, но Пушкин громким голосом закричал: Не входи! Он не хотел, чтобы она увидела его рану, и позвал ее только тогда, когда уже был раздет и уложен.

Один за другим с'езжались доктора, с'езжались друзья Пушкина — Жуковский, Плетнев, Вяземский, А. Тургенев.

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Пушкин страдал сильно, но часто спрашивал про жену:

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском.

И ей самой он сказал:

— Не упрекай себя за мою смерть. Это — дело, которое касалось меня одного.

Лейб-хирурга Арендта он просил передать императору просьбу не преследовать Данзаса за участие в дуэли. Данзас от него не отходил. Он сказал Пушкину, что хочет вызвать Дантеса на дуэль, чтобы отомстить за него. Пушкин поморщился.

— Нет, нет! Мир, мир.

Злоба и бешенство, которыми он непрерывно кипел последние месяцы, теперь исчезли: он стал спокоен, кроток и

умиротворен. У некоторых друзей было впечатление, что Пушкин искал смерти и был рад ей, как разрешению своего безвыходного положения.

Пушкин был ранен в живот. Пуля раздробила ему крестец. В брюшной полости осколки кости давили на кишечник. В таких случаях первое требование от лечения — дать кишечнику полный покой, остановить движение его опиумом. Между тем, по совершенно непонятным причинам, лейб-хирург Арендт назначил больному клизму. Последствия получились ужасные. Глаза Пушкина стали дикими и, казалось, готовы были выскочить из орбит, лицо покрылось холодным потом, руки похолодели. Несмотря на все усилия воли, он кричал так, что всех привел в ужас. Испуганный камердинер сообщил Данзасу, что Пушкин велел ему подать ящик с письменного стола и уйти, а в ящике этом пистолеты. Данзас поспешил к Пушкину и отобрал у него пистолет, который тот успел спрятать под одеяло. Пушкин сознался, что хотел застрелиться, потому что страдания стали невыносимы.

К утру боли несколько уменьшились, и Пушкин овладел собою. И уж до са-

мой смерти ни одним стоном, ни одним криком не выдал своих страданий.

У крыльца пушкинской квартиры была давка. Знакомые и незнакомые толпились у входа, непрерывно сыпались вопросы: „Что Пушкин? Легче ли ему? Есть ли надежда?“

Густые толпы загораживали всю улицу перед квартирой Пушкина, к крыльцу невозможно было протискаться. Но великосветских людей здесь не было.

Пушкин слабел с каждым часом. Смерть приближалась, и он ясно сознавал это. Друзья говорили ему:

— Все мы надеемся, не отчаивайся и ты.

Пушкин отвечал:

— Нет, мне здесь не житье. Я умру, да видно, уж так и надо.

Около полудня 29 января Пушкин спросил зеркало, посмотрелся в него и махнул рукой. Пульс падал и вскоре совершенно исчез. Руки начали стыть.

Дыхание становилось все медленнее. Последний вздох. Жизнь отлетела. Присутствующие во всю жизнь не могли забыть величавого, блаженного спокойствия, которое разлилось по лицу умершего Пушкина.

ПОХОРОНЫ

На набережной Мойки, перед домом, где умер Пушкин, творилось что-то для того времени совершенно необычайное. Как волны прилива, росли и росли толпы народа, желавшие поклониться праху Пушкина. По показанию очевидцев, у гроба Пушкина перебывало от тридцати до пятидесяти тысяч человек. Со всех концов города тянулись к Мойке экипажи. Извозчиков нанимали, просто говоря: „К Пушкину".

У гроба Пушкина отсутствовало высшее дворянство; к гробу теснились студенты, люди свободных профессий, чиновники низшего разряда, „национальные коммерсанты", „простонародье", тот, только еще возникавший слой радикальной мелкой буржуазии, который вскоре получил название „разночинцы". На похоронах Пушкина разночинцы впервые выступили на общественную арену и дали себя почувствовать, как общественную силу.

Последние годы Пушкин жил в кольце ужасающего одиночества — общественного, морального, культурного, литературного. „Живи один!" — горько

говорил он о себе. Он и не подозревал, сколько тысяч у него было горячих, искренних друзей за пределами того кольца, в котором он томился и погибал. При жизни Пушкина неведомые друзья эти могли многого ему не прощать, — смерть дала им почувствовать великую, незаменимую ценность и нужность Пушкина. И они громко, решительно, не словами, а всеми своими действиями сказали: Пушкин наш!

Появилось негодующее стихотворение тогда почти еще неизвестного поэта Лермонтова — огненная поэтическая прокламация. Стихи с необычайной быстротою распространились в списках, и все повторяли за Лермонтовым:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Бурный взрыв общественного негодования изумил и испугал Николая. Вначале он равнодушно отнесся к смерти Пушкина и вполне оправдывал поведение Дантеса. Напор снизу заставил императора понять, что дело шло не о ничтожном „сочинителе", нечиновном камер-юнкере его двора, а о человеке, высоко ценимом самыми широкими кругами страны.

Николаю волей-неволей пришлось перестроить свое отношение к случившемуся, пришлось притвориться, что и им самим смерть Пушкина расценивается, как великая национальная потеря. Дантес был разжалован в солдаты и, как иностранный подданный, выслан из России. Геккерен отозван нидерландским правительством с поста посланника.

С другой стороны, Николай поспешил преградить все пути к проявлению бурно закипавшего общественного негодования. Газетам строжайше было приказано при сообщении о смерти Пушкина „соблюдать надлежащую умеренность и тон приличия". Одна газета получила выговор за заметку, в которой писалось, что „солнце нашей поэзии закатилось" и что „Пушкин скончался в

середине великого поприща". В соседних с квартирой Пушкина домах были расставлены военные пикеты, у под'езда и в самой квартире сновали шпионы. В ночь перед выносом тела, с 30 на 31 января, когда толпа разошлась и в квартире сидело только несколько ближайших друзей Пушкина, явились жандармы во главе с генералом Дубельтом, начальником штаба корпуса жандармов. Они перенесли гроб не в Исаакиевский собор, где назавтра было назначено отпевание, а в Конюшенную церковь. В день отпевания подступы к церкви были оцеплены полицией и пропускались только приглашенные, по специальным билетам. Отпели, поставили гроб в церковный подвал.

В полночь с 2 на 3 февраля к церкви под'ехали дроги и две кибитки. В одной кибитке сидел жандармский офицер, в другой — друг Пушкина А. И. Тургенев, которому было поручено проводить тело в Псковскую губернию до места погребения в Святогорском монастыре, недалеко от пушкинской деревни Михайловское. Поставили гроб на дроги и помчались во весь опор из города. Псковскому губернатору заранее было посла-

по высочайшее приказание при проезде гроба „воспретить всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию".

Своеобразная похоронная процессия мчалась по снежным равнинам на курьерских днем и ночью, как будто преступники спешили, тайно от всех, привести к концу свое черное дело.

На одной почтовой станции, проезжая, жена профессора увидела суетившихся жандармов, торопивших ямщиков скорее перепрячь телегу, где в соломе стоял завернутый в рогожи гроб. Она спросила одного из глядевших, что это такое.

— А бог его знает, что. Вишь, какой-то Пушкин убит, — мчат его на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку.

Так хоронила официальная николаевская Россия величайшего русского поэта.

* * *

Прошло сто лет со смерти Пушкина. Пало самодержавие, затравившее и убившее его, пал весь строй, где одни люди работали и страдали, а другие ничего не

делали и блаженствовали. Когда историческая сцена заполнилась шумною победительницею — „чернью“, „истинные“ ценители Пушкина с огорчением заявили, что высокому искусству пришел конец и что им, носителям „истинной культуры“, остается удалиться в тайные святилища и там отправлять культ Пушкина, которого вычеркнет современность.

Что же оказалось?

Когда-то Пушкин, томясь великим одиночеством, писал:

... Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный
художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой
треножник.

И вот современный поэт (Вл. Василенко), вспоминая эти горькие строки Пушкина, так обращается к нему:

Сколько слав поникло сжатым стеблем,
Сколько тронов взято в топоры, —
Только твой треножник не колеблем
„Чернью“, потрясающей миры!